

*Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши все кругом,
Следить за ласточкой стрельчатой
Над вечеряющим прудом.*

*Вот понеслась и зачертила —
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла.*

*И снова то же дерзновенье
И та же темная струя, —
Не таково ли вдохновенье
И человеческого я?*

*Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихи чуждой, запредельной
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?*

«Ласточки»

Деятельность поэта, художника — сродни полету ласточки: за видимой «праздностью» наблюдателя, за простым описанием явлений мира кроется сложный процесс отыскания, узнавания «запредельной» стихии тончайших мировых движений, попытка выразить невыразимое: «Что не выскажешь словами, / Звучом на душу навей!» Об этой способности Фета очень точно сказал А. В. Дружинин: «Для угадывания тончайших движений души человеческой к окружающему миру, для подсматривания химической связи... между всем существом нашим и чудесами видимой природы — мы не знаем поэта щедрее одаренного».

Вряд ли есть в русской литературе другое такое стихотворение, которое бы вызвало столько споров, критических нападков и восхищений при жизни автора, как стихотворение «Шепот, робкое дыханье...». Впервые оно было напечатано в 1850 году (в журнале «Москвитянин») и, кажется, прошло почти незамеченным. Но вот оно явилось в сборнике 1856 года — и было воспринято в качестве манифеста «чистой поэзии»:

*Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!*

Кажется, простое перечисление существительных, предметов... Но какое-то уж очень «непредметное» перечисление: сами предметы присутствуют здесь только как знаки неповторимых чувств, сложных ассоциаций. Ни одного глагола, — а стихотворение исполнено движения, ощущения времени и представления *события*. А

какого события? Очень простого — и, может быть, самого важного в человеческой жизни... Непривычное видение этого «вечного» события привлекало к нему внимание — и обойти его значимость оказывалось уже невозможным.

Это стихотворение — в качестве манифеста — с восторгом цитировали Боткин и Дружинин. С восторгом отзывались о нем Тургенев и Лев Толстой. Достоевский посвятил ему знаменитое свое рассуждение о пользе литературной «беспольности» (в статье «Г.-бов и вопрос об искусстве»). Даже Салтыков-Щедрин, к Фету весьма пристрастный и недоброжелательный, признал, что такое стихотворение «в любой литературе редко можно найти»... Но Добролюбов, Минаев, Козьма Прутков откликнулись на него резкими пародиями. А Чернышевский заметил саркастически: эти стихи «такого содержания, что их могла бы написать лошадь, если б выучилась писать стихи, — везде речь идет лишь о впечатлениях и желаниях, существующих и у лошадей, как у человека...». Чернышевский не принял именно «события», опозитизированного Фетом (ему бы все «общественный интерес!»). Но и он не мог не признать, что Фет — как к нему ни относиться — «даровитейший из нынешних наших лирических поэтов».

А сам Фет, пережив в конце 1850-х годов этот поэтический успех, вновь делает нетрадиционный шаг. В 1857 году он женится на Марье Петровне Боткиной, дочери богатого московского чаеоторговца, сестре знаменитого критика Василия Петровича и знаменитого врача Сергея Петровича Боткиных. Это был брак не столько по любви, сколько по взаимной привязанности двух одиноких людей, уже немолодых, — и он оказался на редкость счастливым...

А в июле 1860 года на деньги, полученные в приданое за Марьей Петровной, Фет приобрел большое имение в 200 десятин (около 220 гектаров) «голой, безлесной, безводной земли» в том же Мценском уезде, где он родился и вырос. Имение называлось Степановкой, считалось бездоходным, стоило очень дорого, но лирический поэт бросился «из литературы в фермерство» и «Музу прогнал взащей». Друзья недоумевали, сетуя на фетовскую «суету». Тургенев, побывавший в Степановке, зло вышучивал: «жирный блин и на нем шиш», «вместо природы... одно пространство», «он вырыл пруд, который ушел, и посадил березки, которые не принялись»...

Но Фет и здесь оказался необычайно упорен в движении по «размеченному пути». Он быстро выстроил дом и службы и, переехав в деревню, начал вести скрупулезное земельное хозяйство: насадил усадебный парк и цветники, занялся хлебопашеством и коневодством. «Он теперь сделался агрономом-хозяином до отчаянности, — писал Тургенев Полонскому в 1861 году, — отпустил бороду до чресл... о литературе слышать не хочет и журналы ругает с энтузиазмом». Фет сделался помещиком в эпоху разорения поместных хозяйств. Но здесь-то он, наконец, очутился как будто в своей стихии: неожиданно для приятелей он выказал себя деловым агрономом, способным администратором и великолепным организатором. Он хорошо знал и никогда не идеализировал русского мужика, обладал замечательным здравым смыслом и